

Несостоявшееся

“Я не проиграл, а сам ушел, сняв свою кандидатуру. Этот вариант событий оказался для всех неожиданным, ведь я выиграл в первом туре. Но внутри себя я знал с самого начала, что никогда не пойду на этот шаг — быть президентом”.

Сегодня утром в наш город, на Витебский вокзал, приехал маэстро Раймонд Паулс вместе с Лаймой Вайкуле, а на Московский — Валерий Леонтьев и Алла Пугачева. Три вечера подряд — 6, 7 и 8 ноября — эта суперзвездная компания будет блистать в “Октябрьском” зале. Программа “Браво, маэстро!”, составленная из лучших хитов народного артиста Советского Союза, депутата Латвийского сейма, непревзойденного мелодиста, посвящена 35-летию петербургского БКЗ, концертного зала, который каждая из вышеперечисленных мегазвезд не раз называла самым лучшим на всей планете. А ведь несколько лет назад уже, казалось, растаяли надежды вновь увидеть на сцене легендарного рижского маэстро. Интеллигентный и скромный, он ушел в тень от надвигающегося шторма шоу-бизнеса, сосредоточившись на большой политике и семейной жизни. Казалось, годы берут свое — как-никак, сцене Раймонд Вольдемарович отдал больше полувека.

— Известно ли вам, что по многим опросам, определявшим лучшие российские песни XX века, ваша мелодия “Миллион алых роз” вошла в первую десятку?

— Мне, конечно, приятно. Редко удается написать такую мелодию — простую и красивую, это большая удача, которая, как ни странно, не зависит напрямую от усилий и стараний композитора. В свое время эта очень простая песенка завоевала очень большую популярность, причем не только в Советском Союзе, но и в других странах, например в Японии. Разумеется, мне бы и во сне не могло такое присниться. Одно могу сказать: трудно предвидеть судьбу мелодий, никто этого сделать не в состоянии. В Японию меня пригласили именно как автора “Миллиона роз”: оплатили дорогу, организовали прием на высшем уровне, где все учтиво кланялись, узнав, что я автор этой мелодии.

— “Миллион алых роз” родился в творческих муках или в один присест?

— Песня “Миллион алых роз” на самом деле не о бедном художнике, а об истории девочки, которой мама спела в детстве песенку, а потом девочка выросла и подарила эту мелодию своей дочери...

Сначала я написал латышский вариант. Слова были очень красивые, но ничего про “Миллион роз” не говорилось. Уже потом Андрей Вознесенский, слушая эту мелодию, написал свой вариант текста, вспомнив красивую легенду про любовь художника, и, как оказалось, попал в яблочко.

Я думаю, в конечном счете сыграла роль какая-то “интернациональная народность” этой

мелодии. Там все действительно архипросто...

— Но это гениальная простота! — Она запомнилась сразу. Хотя сначала Пугачева сказала: “Я это петь не буду”. Но она так всегда делала, когда ситуация казалась меня. Например, текст “Маэстро” — переделывался восемь раз. Она всегда ругала (улыбается) мои песни, говорила, что это не для нее, но потом на концертах все-таки часто исполняла.

— Неужели у Аллы Борисовны нет “чутья шлягера”?

— Таким был стиль ее поведения. Ну, мол, это так, несерьезно... Тем не менее я всегда выступления с ней вспоминаю с уважением, с радостью, потому что с Аллой на сцене было интересно. И с Валерием Леонтьевым тоже. Это творческие люди. Можно критиковать их, советовать сделать что-то по-другому, но когда они на сцене, то отдадут публике все, что у них внутри.

— Можно будет когда-нибудь прочесть ваши мемуары?

— Бог меня обидел: писать не умею. А то было бы интересно вспомнить многое из того, что прошел за эти годы, начиная с джаза послевоенных лет... Произошло много интересного, страшного, трагического. Я же очень весело жил в молодые годы, знал богему и все такое. Хорошо, что вырвался...

— Сейчас вообще не пьете?

— Нет, что вы.

— Когда последний раз выпивали?

— В шестьдесят втором.

— И после этого — ни разу?

— Ни грамма.

— Это какая же сила воли!

— Если бы не остановился, давно был бы уничтожен и морально, и физически.

Из воспоминаний Паулса, приведенных в книге Яниса Петерса:

— Уже во время учебы в консерватории я вечерами играл джаз и... пил. Спился бы, если бы вдруг не понял, что способен на большее, чем жалкий алкоголик. Потом женился на Лане (Епифановой — такова девичья фамилия супруги Паулса, она из Одессы, куда в начале 60-х Раймонд приехал на гастроли. — Прим. авт.). Появилась на свет Анетте. И я лег на месяц в больницу. Меня поддерживала морально Лана — терпением, пониманием. Медицинские ухищрения особого отращения к алкоголю у меня не вызывали. Я думаю, решающий толчок мне дала эта ужасающая, несчастная, жалкая “публика” — алкоголики. Впервые я увидел ее собранной вместе. Она вызывает ощущение шока. Это что, как это, неужели и я такой или стану таким? Нет, никогда, ни за что! Мне стало ясно в больнице, что я рюмки ко рту не поднесу. Я бросил пить бесповоротно, полностью и окончательно.

Тогда мне было 27 лет. Моей дочке исполнилось полтора года. Вскоре я так же решительно бросил курить.

— Говорят, вы с размахом и весьма своеобразно отметили в Риге свой 65-летний юбилей...

— Кроме дня рождения я отмечал еще 50-летний юбилей творческой деятельности и даже затрудняюсь сказать, какая дата мне дороже. Началось празднество в Театре русской драмы, где был сыгран мюзикл “Сестра Керри”, после чего вышедшие на сцену представительницы государства Израиль, в том числе советник мэра Тель-Авива и министр внутренних дел, признались мне... в любви и пригласили на гастроли.

Я получил телеграмму от президента Путина, а также поздравление от министра культуры Швыдкого. Филипп Киркоров по телефону в эфире радио “Эхо Москвы” сказал теплые слова и припомнил эпизод, как приглашал меня к себе в гости знакомить с мамой.

— Раймонд Вольдемарович, сейчас вы активно гастролите?

— Меня по-прежнему часто приглашают выступить с концертами, но почти никуда не езжу.

— Наверное, предлагают хорошие гонорары — намного больше тех, что платили в середине 80-х,

когда вы пережили невероятную популярность.

— Большими деньгами меня не соблазнишь. Мне уже за 65 (улыбается). Возраст довольно серьезный. Не могу сказать, что я все уже сделал, всего достиг, но за полвека на сцене я многое пережил, и в том, как устроилась моя жизнь, много интересного, хорошего, но есть и плохое, нерешенное. Деньги давно уже не играют в моей жизни решающую роль.

(Кстати, в Латвии, в отличие от России, вполне доступны сведения о доходах самых крупных звезд. Так, в прессе появлялись данные, что за 2000 год Паулс заработал более 90 тысяч латов, причем известно, откуда взялся каждый лат. Так, за деятельность депутата сейма Раймонд Вольдемарович получил в три раза меньше, чем авторские гонорары за музыку. Его пенсия составила 1139 латов. Самую солидную сумму, как это ни удивительно для российских граждан, составили накопления в одном из латвийских банков. У композитора есть собственная земля в Адажской волости и арендованная в Юрмале, хозяйство в Валмиерс-

президентство Раймонда Паулса

ком районе и квартира в Риге. Ему принадлежит 10 процентов интеллектуального капитала музыкального центра "Вернисаж". Зато нет личного транспорта! - Прим. авт.)

- Я был немало озадачен известием, что два года назад Паулс написал не фортепьянный концерт, не ораторию и даже не шлягер, а мюзикл для тинейджеров "Легенда о Зеленой дева". Больше того, вы сами даже приняли участие в этом тинмюзикле...

- Да, я там играю на рояле вместе с ансамблем. Я долго думал, что могло бы заинтересовать новое поколение? И вот у нас с Гунтаром Рачсом возникла такая идея: главные герои, английские школьники, выиграли путевку в совершенно неведомую им страну Латвию. Самолет, на котором они летят, захватывают террористы, и он совершает вынужденную посадку в дундагских лугах. Место действия - Дундагский замок, где до сих пор посетителям является Зеленая дева - девушка, когда-то наказанная гномами за любопытство. Снять с нее злые чары может только любовь. И вот английские путешественники вместе с повстречавшимся им простым латышским парнишкой оказываются на балу призраков в замке.

- Если я правильно понял, вы не только музыку написали, но и сценарный ход придумали...

- Сценарий я не писал, но идею действительно предложил. В спектакле много дыма, шума, взрывов, всяких призраков, но все подается в добродушном, юмористическом плане. Поставил спектакль молодой актер и режиссер театра "Дайлес" Валдис Лиепиньш.

- Музыка - модная, молодая?

- Аранжировки сделала популярная группа "Bet Bet!", мелодии получились такими, что зрители сразу подпевают. Значит, я выиграл (улыбается).

- Раймонд, на одной из пресс-конференций вы сказали, что предпочитаете галстуки фирмы... "Луч" еще советских времен...

- Просто в тот период в кругу артистов и политиков было в ходу хвастаться наличием нарядов от престижных кутюрье, и я в противовес этому вдруг вспомнил, что была такая известная фирма "Луч" и у меня до сих пор есть где-то весьма приличные галстуки от "Луча". Это из той же серии, когда все называют косметическое заведение Лаймы салоном, а я могу, пошутив, спросить у нее: "Лайма, ну как там поживает твоя парикмахерская?"

- Какой сейчас на вас галстук?

- Даже не знаю. Мне обычно их дарят (берет свой галстук, выворачивает наизнанку, пытается прочесть заковыристое французское название. - Прим. авт.)... Вот тоже какой-то кутюрье. Мне обычно дочь или кто-то из приятелей дарит, они знают в этом толк.

- Раймонд, после песни "Маэстро" вас иначе уже и не зовут. Расскажите, как создавался этот суперхит?

- Успех этой песни - заслуга исполнителя. В первом варианте, когда ее пела Мирдза Зивере, это была простая танцевальная мелодия. А уже потом, когда Алла Пу-

гачева услышала запись, то предложила Илье Резнику написать совершенно новый текст. Помню, они мне его напевали по телефону, из какого-то сибирского города...

Многие мои песни, ставшие хитами, вначале были темами инструментальной музыки. Вот услышал Андрей Вознесенский мелодию из семисерийного телефильма "Долгая дорога в дюнах" ("Жизнь в долг") и предложил написать на нее текст. Так появилась песня "На бис", которую прекрасно исполнила Алла. Пугачева настолько блестяще спела, что я не уверен, удалось ли музыке в телесериале "перебить" впечатление от созданного ею образа. Хит должен иметь яркую, запоминающуюся тему, а придумать ее совсем не просто. Я называю ее зерном мелодии... Из этого зернышка и прорастает песня, которая потом живет десятилетия.

Сложность жанра еще и в том, что песню создает не один композитор, а целый коллектив - еще и поэт, аранжировщик, исполнитель. Вот почему важно, чтобы в этом маленьком творческом коллективе были те, чьи мысли и чувства созвучны. В Алле Пугачевой я всегда был уверен: она не только не забудит мысли и чувства своих коллег, а, наоборот, поднимет их на новую высоту, порой найдя совершенно неожиданные повороты. Она не просто певица, исполнительница чьей-то воли, а создатель песни, подлинный художник и мой соавтор.

По сути ведь я специально для Пугачевой ничего не писал. Алла сама выбирала мелодию, какая ей нравилась, сама просила написать слова, какие хотела, сама делала песню.

Из интервью А. Пугачевой двадцатилетней давности:

- Алла Борисовна, расскажите, пожалуйста, как родилась песня "Маэстро".

- Случайно, хотя по этому поводу можно было бы придумать красивую историю. А было это так.

У Раймонда уже была песня, которая начиналась четырьмя тактами, теми самыми, что он проигрывает в "Маэстро". Вот эту первую песню мне и прислали в магнитофонной записи, я даже начала ее разучивать.

Но вдруг слышу по радио, как ее поет молодая певица (это была Мирдза Зивере. - Прим. авт.). Я позвонила в Ригу и сказала Раймонду, чтопеть не буду, просто совесть не позволяет встать на пути исполнительницы, еще малоизвестной, у которой с этой песней связаны большие надежды.

Не знаю почему - тоже, видимо, случайно! - я спросила Паулса, что это за четыре такта, которые играют во вступлении. "А это просто так, мне нравится", - сказал он. Вот из этих четырех тактов, собственно, и родилась музыка "Маэстро". Было написано примерно пятнадцать вариантов. Над песней мы работали почти год. Мучились над текстом, аранжировкой, много труда вложили. Продумали все до мелочей, даже мой имидж потребовалось немножко изменить, поскольку сам образ героини песни предпола-

гает утонченность. Одно фирмальное движение, неверный жест, не такое строгое начало, какое мы выбрали, и песня бы не получилась.

Многие решили, что эта песня для нас с Раймондом биографична... Нет, конечно. С Паулсом мы встречались давно, на одном из конкурсов эстрады, и уже тогда пробовали поработать вместе. Но назвать эту песню личной?.. Хотя ситуация очень жизненная: начинающая певица ищет внимания признанного музыканта. Каждый может домыслить и образы, и характеры.

- Раймонд, случалось ли вам работать с певцами, у которых, извините, не было голоса?

- Почему нет? Эстрада вполне допускает и такой вариант. Это жанр специфический, я очень его ценю, и иногда актер не с голосом, а скорей с речитативом, может добиться большего эффекта, чем певец с хорошей вокальной подготовкой. Утесов, Бернес, Миронов, Окуджава, Высоцкий. Вряд ли бы их взяли в оперу. А народ их боготворил при жизни и теперь не забыл.

- Ваши новые песни нынче появляются весьма редко, а если и появляются, то достаются в первую очередь Лайме Вайкуле...

- Не стоит лишний раз говорить о ее таланте - Лайма всегда на виду! Но она обладает еще одной удивительной чертой. Она способна растормозить даже такого ленивого и сомневающегося человека, как я. Прекрасно помню, как в 1997 году она меня - а не я ее! - пригласила в свою программу. Если бы не Лайма, я бы, наверное, давно отошел от песенного жанра. Я ведь очень мало сейчас пишу. Не потому, что утратил профессиональные навыки, а просто в последнее время меня не тянет писать песни. Я лучше сам поиграю на рояле - мне это ближе. Понимаете, я не особенно хорошо чувствую сегодняшние разные модные влияния. Не умею сочинять то, что сегодня требуется для всяких танцев, - электронно-танцевально-монотонную музыку. Мне это не по душе. Мой стиль остался прежним - романтическая, сентиментальная, лирическая музыка, мелодии ностальгического настроения.

- Как обстоят дела с изданием всех ваших записей - от песен до инструментальной музыки?

- Вышло много моих записей на латышском языке, а на русском дела обстоят похуже. Какие-то фирмы выпускали выборочно старый материал: песни с Леонтьевым, с Пугачевой, еще что-то... В общем, я этот издательский процесс не контролирую. Все куда-то уходит, исчезает, а потом вдруг мне показывают невестку откуда взявшийся диск с моей инструментальной музыкой. Знаете, как все происходит в наше время: концы в воду, никто ничего не знает!

- Как вы теперь расцениваете звание "народный артист СССР"?

- Во всяком случае, без иронии. С уважением отношусь к этому званию, его носили немало достойных людей. Вот певец Виктор Вуятч горел идеей сделать специальный проект, собрав на одной сцене всех народных артистов СССР из эстрадного цеха и устроив такой интернацио-

нальный концерт. Если бы меня пригласили, с удовольствием согласился бы.

- Кто был кумиром вашего поколения музыкантов?

- Фрэнк Синатра, Элла Фицджеральд, Рэй Чарлз, Луи Армстронг.

- У вас ведь две очаровательные внучки...

- Старшей Анне-Марии - тринадцать лет, младшей Монике - восемь. Они живут и учатся в Москве, в школе от американского посольства.

- Вас, наверное, замучили вопросом: музыкальны ли внучки, есть ли надежда, что династия Паулсов продолжится в искусстве?

- Моника весьма музыкальна. Однако... Может быть, я перегибаю палку, но часто повторяю то, что говорил в свое время своей дочери Анете, которая училась в школе с музыкальным уклоном: "Лучше не иди в этот мир, не стремись туда, не стоит! Занимайся чем хочешь, только не иди туда, где я был". Сцена была, есть и будет наркотиком. Посмотрите, сколько на фоне этих цветных огней и софитов настоящих трагедий, сломанных судеб...

- На одну звездную судьбу в шоу-бизнесе тысячи неудачников, которых раздирают обиды, злость, ненависть...

- Вот именно. Потеря популярности, несложившаяся карьера - все это тяжелейшие травмы, особенно для женской психики. Пока ты молода, эффектна, ты на эстраде нужна, а дальше - изволь освободить место другим.

Эстрада, а теперь и шоу-бизнес - путь слишком опасный, двойственный. Да, с одной стороны - цветы, афиши, аншлаги, овации. Но с другой - интриги, наговоры, грязь, продажность. Конечно, внучки вырастут и сами разберутся, куда им пойти учиться, кем стать, но я постараюсь уберечь их от наркотика сцены, от популярности, публичности.

- А как сложилась жизнь вашей дочери Анете, которая в свое время училась в Ленинграде, в ЛГИТМиКе?

- Она стала телевизионным режиссером, одно время трудилась на латвийском телевидении. Затем повстречала своего суженого Марека (он датчанин с польскими корнями), который работал в скандинавской авиакомпании.

- Говорят, вы их и познакомили!

- Если и так, то неосознанно. Я тогда был министром культуры Латвии и на один из балов-приемов пригласил Марека, которого знал раньше. То, что они познакомились и начали встречаться, для меня стало сюрпризом, об их желании пожениться я узнал, наверное, последним.

Какое-то время молодая семья жила в Петербурге, затем мужа перевели в Москву, где Анете устроилась на работу в посольство Дании.

- Фантазии не хватит предположить, на каком языке говорят в вашей семье, когда все собираются вместе?

- Внучки и их родители предпочитают английский (кстати, когда Паулс в Одессе познакомился со своей супругой Ланой, она была переводчицей с англ-

ийского. - Прим. авт.). Знают они латышский и русский, правда, говорят с небольшим акцентом. Бывает весьма забавно, когда все слова из разных языков начинают смешиваться, но проблем не возникает, потому что мы любим друг друга, а значит, говорим на языке любви. Ну а главный наш семейный праздник - Рождество.

- Вы теперь выступаете с большими перерывами. Не трудно переключаться с депутатского портфеля на рояль?

- Это все равно что после большого перерыва сесть за руль: волнуешься, не разучился ли, но вдруг все как будто само собой начинается получаться. А кстати, в сейме случается такое, что мои пальцы сами начинают "играть" что-то на дипломате...

- Раймонд Вольдемарович, вы были хорошим министром культуры?

- Своей главной заслугой на посту министра культуры Латвии считаю то, что я... закрыл оперу. Она рухнула бы - в прямом смысле! - на головы зрителей и артистов. Реставрация прошла успешно, и театр пережил второе рождение.

В мои обязанности министра входила организация культурной программы официальным гостям Латвии. Я не только приглашал артистов, но и сам играл на рояле - перед царственными особами, главами государств. Играл классические джазовые темы, гоноары за это не получал, атмосфера на таких встречах была весьма непринужденная. Помню, шведская королева Сильвия и мать короля принцесса Сибилла даже танцевали под мой рояль.

- Раймонд Вольдемарович, а ведь могло и так сложиться, что вы бы сейчас приезжали в Россию в ранге президента Латвии?

- Нет (улыбается). Я сам отказался... Тогда я, конечно, сомневался, но думаю, сделал правильный ход. Абсолютно правильный.

- В России об этом писали весьма скупое, и большинство людей толком не знают, что же случилось с вами в ходе президентской гонки...

- Я был одним из кандидатов (Раймонд скромничает: у него были самые высокие рейтинги. - Прим. авт.), прошел уже почти ДО... Я не проиграл, а сам ушел, сняв свою кандидатуру. Этот вариант событий оказался для всех неожиданным, ведь я выиграл в первом туре. Но внутри себя я знал с самого начала, что никогда не пойду на этот шаг - быть президентом. Да, обстоятельства складывались благоприятно, в мою пользу. Но когда мы дома обдумали все варианты, то поняли, что, продолжая я эту гонку, ничего, кроме испорченной нервной системы, здоровья и так далее, больше от этого я бы не имел. Для меня активное продолжение политической карьеры стало бы, откровенно говоря, гибелью.

- Гибелью физической?

- Моральной. Я уже потом жалел, что вообще вступил в это дело. Понимаете, я все-таки человек сцены, в какой-то мере связан с интеллигенцией (мудро улыбается), с творчеством, а это с политикой никак не вяжется.

Михаил САДЧИКОВ